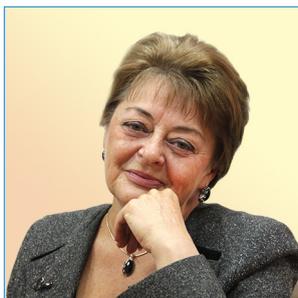

Т е м а н о м е р а : Крым – новый субъект Российской Федерации (социальные аспекты)

Трансформационный процесс в современном Крыму

Халий Ирина Альбертовна –

доктор социологических наук, главный научный сотрудник, заведующая сектором изучения социокультурного развития регионов России, Институт социологии Российской академии наук, Москва

E-mail: illaio@yandex.ru

Трансформационный процесс в современном Крыму

Аннотация

Происходящее ныне в Крыму есть очевидный транзит – от одного политического и культурного уклада к другому. Этот транзит не содержит в себе радикальной экономической составляющей – перехода к рыночным отношениям, поскольку такая установка уже воспринята и в какой-то степени реализована в рассматриваемых сообществах. В связи с этим новый транзит, казалось бы, не столь радикален, сколь транзит от социализма к капитализму. Однако очевидно и он вызывает к жизни «культурную травму», о которой писал П. Штомпка. Этот транзит и находится в фокусе данной статьи. Анализ¹ основан на неформальном наблюдении за настроениями крымского общества в постсоветские годы и на результатах полевых исследований, осуществлённых сектором по изучению социокультурного развития регионов России в августе–сентябре 2015 г. Работа осуществлялась качественными методами: в виде глубинных интервью с представителями власти, образовательных и медицинских организаций, учреждений культуры, а также с местными жителями в пяти городах Крыма (всего 84 интервью), а также в форме фокус-групп со студентами вузов (3 единицы). Следует особо отметить, что исследование не проводилось в крымско-татарском сообществе. Показано, что трансформационные процессы осуществляются и инициатива их реализации принадлежит большей части крымского общества. Доказывается, что трансформация очевидно опирается на устойчивое постоянство граждан Республики Крым в их ориентации на Россию, а также на их экономическое поведение, слабо изменявшееся на протяжении многих лет. В анализе успешности вхождения Крыма в состав России выявлены необходимые для этого условия и их наличие в современном обществе Крыма. К ним относятся достаточность экономических и человеческих ресурсов; гражданское согласие среди элит общества; удержание государством социального контроля, упреждение острых социальных конфликтов и вооружённых столкновений. Исследование показало, что у присоединения Крыма к России есть будущее, поскольку современная крымская молодёжь, особенно студенты, учатся и планируют здесь остаться в будущем.

Ключевые слова: трансформация, культурная травма, политический и культурный уклад, крымское общество, местные сообщества, присоединение к России

¹ Статья подготовлена при поддержке РФФИ (грант № 13-06-00314А «Государственное и муниципальное управление: обратная связь власти и общества».

Происходящее ныне в Крыму есть очевидный транзит – от одного политического и культурного уклада к другому. Этот транзит не содержит в себе радикальной экономической составляющей – перехода к рыночным отношениям, поскольку такая установка уже воспринята и в какой-то степени реализована в рассматриваемых сообществах. В связи с этим новый транзит, казалось бы, не столь радикален, сколь транзит от социализма к капитализму. Однако очевидно и он вызывает к жизни «культурную травму», о которой писал П. Штомпка [Штомпка 2001а, 2001b]. Возникает необходимость её преодоления. Это и находится в фокусе данной статьи.

Анализ основан на неформальном наблюдении за настроениями крымского общества в постсоветские годы и на результатах полевых исследований, осуществлённых сектором по изучению социокультурного развития регионов России в августе–сентябре 2015 г. Работа осуществлялась качественными методами: в виде глубинных интервью с представителями власти, образовательных и медицинских организаций, учреждений культуры, а также с местными жителями в пяти городах Крыма (всего 84 интервью), а также в форме фокус-групп со студентами вузов (3 единицы). Следует особо отметить, что исследование не проводилось в крымско-татарском сообществе. Целью исследования было выявление социокультурных установок крымского общества и отдельных местных сообществ, ставших основой их борьбы за присоединение к России.

Причины и движущие силы транзита

Проблема транзита в Крыму состоит, в первую очередь, не в трудностях перехода к рыночным отношениям. Даже во время такого перехода в конце 1980-х – начале 1990-х гг., пожалуй, главным изменением для крымчан было не введение рыночных отношений: как раз это не было для них болезненным, ибо местные жители практически весь советский период были заняты «частным предпринимательством» в «туристической сфере» (в кавычках, поскольку, конечно, это не было классическим и легальным предпринимательством, да и сферой туризма это можно обозначать лишь с большой натяжкой). Значительно более чувствительной стала для них иная трансформация – присоединение к другому государству, другой стране, другому обществу. Осознано это было, конечно, не сразу, но все годы до 2013 г. Крыму приходилось ощущать себя территорией, на которую государство не обращало внимания, что выражалось не столько в политической, сколько в экономической сфере (наши наблюдения мнений граждан Крыма в этот период свидетельствуют об их постоянном недовольстве отсутствием экономической политики государства в отношении этого субъекта).

Однако, как выяснилось в период «евромайдана» и после него, даже это для крымчан было не главным. Ситуация в это время радикализировалась в сфере социокультурной, для многих – неожиданно. Появившиеся лозунги (национальной идентификации), связанные с украинской культурой и языком, ориентация на вхождение в Евросоюз и особенно полный разрыв с Россией (вплоть до конфронтации) вызвали у основной части крымского общества глубинное неприятие, т. е. культурную травму. По рассказу нашего респондента, в семье, где было два брата, один считал, что он русский, а другой – что украинец. Именно в этом состояла суть «культурной травмы» в данном случае.

Эта травма состояла и в том, что общество (даже при том, что большинство не приняло социокультурные и политические установки того времени) оказалось расколотым, пусть и не на равные части. Наше исследование выявило, что такое деление существовало всегда, только не проявлялось активно. Оно заключалось в следующем. Поначалу (в 1990-е гг.) большую часть населения Крыма составляли бывшие граждане СССР, именно для них и была болезненной утрата родины. Но со временем подрастало поколение, чья жизнь проходила уже на Украине. Эти молодые люди учились в школах по украинским программам, дальнейшую учёбу многие осуществляли уже в других регионах Украины, где некоторые из них оставались жить впоследствии. Это сформировало значительную социальную группу, уже адаптированную к украинской социокультурной среде. Особо показателен рассказ директора одного из музеев: *«Моя дочь была абсолютно убеждена в том, что жить можно только в Украине. Спившаяся, разрушенная Россия, как она была убеждена, совершенно неприемлема, и стремиться войти в её состав ни коим образом не следует. Она настолько была убеждена в российской разрухе, что отказывалась верить даже в сохранность таких памятников истории, как собор Василия Блаженного. Никакие доводы не помогали. Пришлось взять её в Москву на экскурсию, поскольку стало страшно от такой позиции дочери. Не сразу в нашей семье удалось хоть как-то смягчить её отношение к присоединению».*

Однако и эта группа к 2013 г. не стала многочисленной и устойчивой (представляется, что ещё лет 10 – и украинизация жителей Крыма была бы завершена). Исследование в 2015 г. выявило лишь единицы активных противников вхождения Крыма в Россию.

Во-первых, лишь некоторые сменили местожительство, т. е. уехали на Украину. Также единицы из молодежной когорты поступили в эти, постмайдановские, годы в вузы Украины, причём сделав сознательный выбор. О таких слу-

В период «евромайдана» и после него для крымчан ситуация радикализировалась в сфере социокультурной, для многих – неожиданно. Появившиеся лозунги (национальной идентификации), связанные с украинской культурой и языком, ориентация на вхождение в Евросоюз и особенно полный разрыв с Россией (вплоть до конфронтации) вызвали у основной части крымского общества глубинное неприятие.

Молодые крымчане учились в школах по украинским программам, дальнейшую учёбу многие осуществляли уже в других регионах Украины, где некоторые остались жить. Это сформировало значительную социальную группу, уже адаптированную к украинской социокультурной среде.

чаях рассказали наши респонденты из общеобразовательных, музыкальных школ и вузов, а также из учреждений дополнительного образования (везде речь шла об одном–двух случаях).

Большая часть без радости воспринявших выход из Украины констатировали безысходность ситуации: *«Те требования, которые стали предъявлять действующая на Украине власть и особенно лидеры Майдана, показали, что другого выхода у нас просто нет».*

Без сомнения, наиболее сложной эта ситуация оказалась для школьников. Их мировоззрение, социокультурные установки, понимание истории и отношение к современной России сформировались в условиях Украины. Молодые люди пока ещё не стали устойчивыми носителями этих мировоззрений в силу возраста, но их изменение сегодня – процесс весьма сложный и болезненный.

Большая же часть населения зрелого возраста (начиная с 30 лет и старше) по-разному рассказывают о своей позиции по поводу необходимости присоединения к России, но в основе практически всех этих высказываний лежит осознание себя как части российского общества по многим и разнообразным причинам. Во-первых, многие из них – русские по происхождению, приехавшие в Крым либо в детстве с родителями, либо самостоятельно и сравнительно недавно. Во-вторых, почти всё местное население – это носители русского языка, культуры и традиций. В-третьих, многие указывали, что они категорически отказываются видеть в России врага: *«Я стал активным сторонником присоединения к России, когда в официальных документах Киева появились слова, что Россия – наш враг».* В-четвёртых, большая часть населения (особенно женщины) были напуганы угрозой насилия со стороны радикалов (из воспоминаний наших респондентов в Феодосии: *«Мы, как услышали, что к нам едет Правый сектор, вооружились буквально чем попало – от палок до вил, и вышли к вокзалу. Простые люди, в большинстве женщины, беспокоящиеся за свои семьи. Поезд с правосеками подъехал, они из окон увидели нас и, не выходя, отправились назад. Было страшно, но это была наша победа».*) Озабоченность в Крыму, в-пятых, была вызвана и перспективой размещения на полуострове подразделений НАТО ещё до того, как Украина в этот блок вступит: *«К нам в город приехало подразделение НАТО. Солдат разместили в гостиницах. Перед нами встал вопрос: как бороться? Стихийно сложилось так, что мы всем городом начали митинговать, проводить шествия с антивоенными и антинатовскими лозунгами в течение нескольких дней. Они увидели это и уехали. Всё прошло тихо и мирно».* В-шестых, многие учреждения культуры чувствовали себя на Украине ущемлёнными или заброшенными: в условиях украинизации, недостаточности средств, отсутствия даже моральной и зако-

подательной поддержки (особенно на это сетовали сотрудники особо охраняемых природных территорий и музеи, связанные с русской культурой, например, мемориальные музеи русских писателей). В сфере политики седьмой причиной недовольства населения Крыма жизнью на Украине стало то, что в органах исполнительной власти на всех уровнях в различные периоды существовало засилье «варягов» – донецких, днепропетровских, киевских. В своих исследованиях в европейской части России подобное явление мы тоже наблюдали и отметили его провоцирующее воздействие на возникновение социальной напряжённости [Халий 2014].

Таким образом, суть первой трансформации в Крыму (переход к рыночным отношениям и распад СССР) подтверждает утверждение Р. Дарендорфа, что постсостояние неизбежно содержит в себе противоречие между воздействием традиций недавнего прошлого и их публичным отвержением [Darendorf 1990]. Но оно оказалось столь доминирующими, что привело к новому трансформационному процессу. А сама эта трансформация представляется результатом «динамического хаоса». Под этим названием И. Пригожин обозначил свою теорию, основной принцип которой в том, что неожиданные события могут стать поворотным пунктом в последующей динамике всей социально-политической и экономической ситуации [Пригожин 1986]. В результате в Крыму преобладает прагматизм принятия решений «по ситуации», иначе это интерпретируется в научной литературе как «инструментальный активизм» [Genov 2000].

Возможность успешной современной трансформации

В анализе возможного успешного вхождения Крыма в состав России будем опираться на предложенные Н. Наумовой условия, необходимые для модернизации общества [Наумова 1999], поскольку модернизация есть изменение, как и рассматриваемая трансформация. Она называет пять таких условий: а) достаточность экономических и человеческих ресурсов; б) гражданское согласие среди элит общества; в) удержание государством социального контроля, упреждение острых социальных конфликтов и вооружённых столкновений; г) быстрый рост численности среднего класса и д) наличие общенациональной мобилизационной идеи. Но если для успешной модернизации значимыми являются все пять условий, то для успешного встраивания Крыма в состав России, по всей видимости, основными являются первые три, два последних пока не сформировались и в самой принимающей стороне (анализ степени готовности российского общества к модернизации см., например: [Тихонова 2011]). Поэтому рассмотрим подробнее первые три.

Трудно вести речь о достаточности экономических ресурсов. Без сомнения, ситуация лишь ухудшилась. К и без того низкому уровню благосостояния населения и экономического положения республики постоянно прибавляются действия Украины, усиливающие негативный эффект: это и перекрытие водоканала, и отключение от ресурсов обеспечения энергоносителями (вплоть до подрыва ЛЭП), блокада дорог и прекращение железнодорожного сообщения Крыма не только с Украиной, но и с Россией. Абсолютно пустые железнодорожные вокзалы Крыма, некогда работавшие напряжённейшим образом, производят весьма гнетущее впечатление. В результате трудно представить, как крымчане пережили 2014 г., когда поток отдыхающих прекратился полностью. Но пережили и даже не рассказывают сегодня о том, как им было тогда тяжело. Наконец, санкции вызвали неразрешённую пока проблему движения финансовых средств через банковскую систему, что осложняет жизнедеятельность не только местного бизнеса и населения, но и отдыхающих.

Россия сделала многое, но проблемы, вызванные внешними факторами, возникают вновь и вновь. Решение основной проблемы – связи с материком – видятся в возведении моста через Керченский пролив. Но населению трудно понять и принять то, что практически вся экономическая поддержка России на сегодня направлена именно на это. В результате на остальную жизнедеятельность крымского общества дополнительных средств выделяется недостаточно. Недовольство населения нередко проскальзывает в интервью с нашими респондентами: жители полуострова надеялись, что жить станет лучше моментально, а этого не происходит. Отклики на это носят подчас и резко агрессивный характер: *«Если так и дальше пойдёт, ждите «крымскую осень»»*.

В этой связи мы переходим к анализу человеческих ресурсов. Во время самого события вхождения в Россию жители Крыма в основном испытывали эйфорию, но, пройдя трудный 2014 г., люди могут устать ждать и надеяться, если не включатся сами в активное строительство собственной жизни. И они включаются: делают то же, что и всегда – принимают отдыхающих. Иных сфер экономического развития не обнаруживается. Пожалуй, единственное, что возрождается сегодня в хозяйстве полуострова, это аграрный сектор, причём как на индивидуальном уровне, так и в виде бизнес-структур. 2015 г. оказался весьма благоприятным по погодным условиям, поэтому удалось вырастить и собрать достойный урожай и зерновых, и овощей, и фруктов. В условиях санкций Запада против России это может стать значимым фактором развития Крыма, проблема, правда, заключается в логистике перемещения товаров.

Трудно вести речь о достаточности экономических ресурсов. Без сомнения, ситуация лишь ухудшилась. К и без того низкому уровню благосостояния населения и экономического положения республики постоянно прибавляются действия Украины, усиливающие негативный эффект.

Во время самого события вхождения в Россию жители Крыма в основном испытывали эйфорию, но, пройдя трудный 2014 г., люди могут устать ждать и надеяться, если не включатся сами в активное строительство собственной жизни. И они включаются.

В этом же, 2015 г., более благополучно обстоят дела и в туристической сфере, хотя уровень предмайдановских лет так и не достигнут и, видимо, без дополнительных усилий государства достигнут не будет, так как «отторгнуты» украинские туристы, для которых Крым был почти дачей – доступный финансово, близкий территориально и свой по государственной принадлежности. Сегодня из Украины приезжают лишь единицы.

Ситуация с социально-экономическим положением населения тяжёлая, поэтому вызывает опасения. И здесь очень многое будет зависеть от деятельности крымских властей всех уровней (это второе условие – гражданское согласие среди элит общества) и от их взаимодействия не только друг с другом, но и с обществом. Во многих населённых пунктах Крыма представители власти в интервью говорили о необходимости постоянно общаться с гражданами, чтобы разъяснять позицию и федеральной власти и действия крымской. К этому регулярно призывает вице-губернатор с экранов телевизоров на Первом крымском канале.

На этапе вхождения в состав России представители различных структур власти далеко не были едины. Кто-то в это время уехал на Украину, кто-то лёг в больницу, кто-то просто воздерживался от каких-либо действий. Следует признать, что в большинстве случаев именно позиция населения играла роль мотора в процессе присоединения. Но и среди чиновников были те, кто безоговорочно встали на сторону общества в случаях, когда оно было активным, или в других случаях, когда население активности не проявляло, ограждали себя от происходящего в собственных домах, т. е. попросту прятались, пытаясь переждать «смутное время». Так, в первом варианте, по рассказам респондентов, *«население вынуждено было провести ряд митингов у стен администрации, прежде чем мэр вынужден был присоединиться к народному движению»*. Во втором варианте происходило так, как поведала в ходе интервью одна из современных градоначальников, которая в те времена была лишь заместителем: *«Я осталась одна в здании администрации, когда город ожидал прибытия украинских радикалов, затаившись в своих домах, а мэр заболел и лёг в больницу. Было очень страшно»*.

Наконец, последнее из рассматриваемых условий успешного вхождения Крыма в Россию и его адаптации к российской жизни и управлению – удержание государством социального контроля – реализовывалось гражданскими активистами, в число которых входили и органы власти, и их отдельные представительства, и некоторые институты, как, например, Верховный Совет Крыма. Без сомнения, стабилизирующую роль играли части российской армии, дислоцированные в Крыму. Их активная деятельность никем из респондентов

На этапе вхождения в состав России представители различных структур власти далеко не были едины. Кто-то в это время уехал на Украину, кто-то лёг в больницу, кто-то просто воздерживался от каких-либо действий. Следует признать, что в большинстве случаев именно позиция населения играла роль мотора в процессе присоединения.

Без сомнения, стабилизирующую роль играли части российской армии, дислоцированные в Крыму. Их активная деятельность никем из респондентов названа не была, но все были согласны, что они стали гарантом отсутствия вооружённых конфликтов.

названа не была, но все были согласны, что они стали гарантом отсутствия вооружённых конфликтов: «Им не пришлось особо вмешиваться: успокаивало само их присутствие. Вот если бы их не было, то крови было бы много».

Ответственность за упреждение социальных конфликтов как части условий успешности транзита лежит, в первую очередь, на структурах власти, а также на сформировавшихся на местах отделениях российских парламентских политических партий и структурах гражданского общества. Во многом (если не в решающей мере) от активности последних, среди которых особое значение имеют организации национальных диаспор в многонациональном Крыму, зависит успешность процесса адаптации к российским условиям.

Мотором развития социальной напряжённости могут стать крымские татары (и с меджлисом уже есть проблемы), которые на протяжении всех последних 25 лет выказывали готовность к отстаиванию своих интересов. А питательной средой для «зёрен напряжённости» может стать недостаточная активность структур власти и низкая самоорганизация общества.

Заключение

Как видим, трансформация происходит, и инициатива её реализации принадлежит большей части крымского общества. Эта трансформация очевидно опирается на устойчивое постоянство граждан Республики Крым в их ориентации на Россию, а также на их экономическое поведение, также слабо изменявшееся на протяжении многих лет.

Исследование показало, что у этого базиса есть будущее, поскольку современная крымская молодёжь в своём большинстве, особенно студенты, учатся и планируют здесь остаться в будущем. На вопрос о том, почему они участвовали в референдуме и голосовали за вхождение Крыма в состав России, большинство ответили, что так воспитала семья и школа. Добавим, что и общий настрой людей был таковым, хотя, конечно, наши молодые респонденты могут этого не осознавать, поскольку только входят во взрослую жизнь.

Дальнейшее развитие событий зависит, в первую очередь, от тех, кто сегодня управляют процессом, и от тех, кто будут управлять им завтра. Сверхважно, чтобы векторы мировосприятия у власти и общества совпадали. А для этого самому обществу необходимо занять более активную позицию и перестать придерживаться «пассивной стратегии» адаптации.

Представляется, что многое могут сделать в этом направлении учёные-обществоведы Крыма. А они есть, о чём свидетельствуют дискуссии на Крым-ТВ. Правда, это по большей

части политологи. Но не менее важно сегодня осмысливать и социальные процессы, перспективы их развития. Крымским социологам предоставляется широкое поле научной и просвещенческой деятельности.

Библиографический список

Наумова Н. Ф. 1999. Рецидивирующая модернизация в России: беда, вина или ресурс человечества. М.: Эдиториал. 176 с.

Пригожин И., Стенгерс И. 1986. Порядок из хаоса: Новый диалог человека с природой. М.: Прогресс. 432 с.

Тихонова Н. Е. 2011. Социальная модернизация и перспективы культурной динамики в России // Россия реформирующаяся: Ежегодник-2011 / Отв. ред. академик РАН М. К. Горшков. Вып. 10. М.–СПб.: Институт социологии РАН, Нестор-История. С. 110–126.

Халий И. А. 2014. Коммуникация власть – общество: стала ли система управления открытой? // Модернизация отечественной системы управления: анализ тенденций и прогноз развития. Материалы Всероссийской научно-практической конференции и XII–XIII Дридзевских чтений (21–22 ноября 2013 г.) М.: Институт социологии РАН. С. 227–231.

Штомпка П. 2001а. Культурная травма в посткоммунистическом обществе // Социологические исследования. № 2. С. 3–12.

Штомпка П. 2001b. Социальное изменение как травма // Социологические исследования. № 1. С. 6–17.

Darendorf R. Reflection on the Revolution in Europe. L.: Chatto and Windus, 1990. 154 p.

Genov N. Transition to Democracy and Nation-state in Eastern Europe // The analysis of the International Institute of Sociology. Vol. 7 / Ed. by E. Scheuch, D. Sciulli. Leiden: Brill, 2000. P. 148–181.

Transformation Processes in Modern Crimea¹

Khaliy Irina Albertovna

Doctor of Science (sociology), Senior researcher, Head of the Department of socio-cultural development of Russian regions, Institute of Sociology of Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia. E-mail: illaio@yandex.ru

¹ The article prepared with the support of Russian Foundation of Fundamental Researches (grant no 13–06–00314A “State and municipal management: feedback of power and society»).

Abstract: The current events in Crimea are the obvious signs of a transition from one political and cultural system to another. The transition does not entail any radical economic changes (i.e. the emergence of a market economy), since the new economy type has already been accepted and partly established in the communities that we are studying. This might prompt a conclusion that this new transition has not been as dramatic as the transition from socialism to capitalism. However, it has still caused the “cultural trauma” described by Piotr Sztompka. Along with the trauma comes the need for recovery. Thus recovery is our main focus in this study. We base our analysis on informal observation of the Crimean community and the attitudes thereof in the post-Soviet era, as well as on the field research carried out by the center for studying the social and cultural development of Russian regions in August and September, 2015. We have employed various qualitative study methods, such as: in-depths interviews with members of the local government and representatives of educational, healthcare, and cultural institutions, as well as with ordinary community members in five cities across Crimea (84 interviews in all); and 3 focus groups with local college students. We must point out that the research did not cover the local Tatar community. Our studies show that the transformation processes are underway, and the initiative to bolster these processes is supported by the majority of the Crimean population. It is also evident that the transformation is backed by the Crimean people’s unwavering affinity towards Russia, as well as by their economic activity, which has experienced few changes over the course of many years. The analysis of Crimea’s successful reunification with Russia reveals that the modern Crimean society has all the necessary prerequisites. These include: ample economic and human resources; general consent among the society’s elite; and the state’s confidence regarding social control and the prevention of drastic confrontations and armed conflicts. Research proves that the reclamation of Crimea has a future, because the modern Crimean youth, especially students, are confident about their affiliation with the region, as they keep studying here and intend to stay in Crimea once they graduate.

Keywords: **Sociology**, transformation, cultural trauma, political and social practices, Crimean society, local communities, reunification with Russia.

References

Darendorf R. Reflection on the Revolution in Europe. London, Chatto and Windus, 1990. 154 p.

Genov N. Transition to Democracy and Nation-state in Eastern Europe. The analysis of the International Institute of Sociology. Vol. 7. Ed. by E. Scheuch, D. Sciulli. Leiden, Brill, 2000, pp. 148–181.

Khaliy I. A. Kommunikacija vlast’ – obschestvo: stala li sistema upravlenija otkrytoj? [Communication “State Power and Society”: Whether the System of Management Become Open?]. Modernizacija otechestvennoy sistemy upravlenija: analiz tendenciy i prognoz razvitija. Materialy Vserossiyskoj nauchno-prakticheskoy konferencii i XII-XIII Dridzevskikh chteniy (21-22.11.2013). Moscow, Institute of Sociology RAS, 2014, pp. 227–231.

Naumova N. F. Recidivirujuschaja modernizacija v Rossii: beda, vina ili resurs chelovechestva [Recurrent modernization in Russia: the trouble, guilt or human resource]. Moscow, Editorial, 1999. 176 p.

Prigozhin I., Stengers I. Poriadok iz haosa: Novy dialog cheloveka s prirodoy [Order out of Chaos: New Dialogue with Nature.]. Moscow, Progress, 1986. 432 p.

Shtompka P. Kul’turnaja travma v postkommunisticheskom obschestve [Cultural Injury in Post-communist Society]. Sociologicheskie issledovaniya, 2001, no 2, pp. 3–12.

Shtompka P. Social’noe izmenenie kak travma [Social changes as Injury]. Sociologicheskie issledovaniya, 2001, no 1, pp. 6–17.

Tihonova N. E. Social’naja modernizacija i perspektivy kul’turnoy dinamiki v Rossii. Rossija reformirujushajasja: Ezhegodnik – 2011. Ed. by M. K. Gorshkov. Vol. 10. Moscow, Saint-Petersburg, Institute of Sociology RAS, Nestor-Istorija, 2011, pp. 110–126.